

ВОСКРЕСЕНСК ЛИТЕРАТУРНЫЙ

№8

Спецвыпуск «НС»: газета Воскресенского литературного объединения «Радуга» им. И.И. Лажечникова

«РАДУГА: НОВОСТИ, ХРОНИКА»

ПРЕЗИДЕНТ Академии Российской словесности Юрий Беляев и главный ученый секретарь Академии Григорий Осипов, почетный член ЛИТО «Радуга», вручили Святейшему Патриарху Московскому и Всея Руси Кириллу медаль Академии – «Золотую Вифлеемскую звезду». Патриарх избран Почетным президентом Академии.

20 мая состоялась презентация первого в России музея современной литературы – «Окружной литературный музей: писатели Северного округа Москвы», инициатором создания и руководителем которого является Г.Б.Осипов. Книги воскресенских писателей также представлены в этом музее.

ПРЕЗЕНТАЦИЮ второй книги стихов «Я – счастливая!» член Союза писателей России Марина Золотова приурочила к своему юбилею. Название сборника полностью отражало и настроение праздника, где царили улыбки, цветы, радость.

Юбиляр – яркий, интересный поэт, отзывчивый человек. Деятельность Марины Ивановны не ограничивается профессиональными рамками. Она активна и в общественной жизни района.

Все это нашло отражение в поздравлении главы Воскресенского района и городского поселения Воскресенск Юрия Федоровича Слеп-

цова и всех присутствующих на этом знаменательном действе.

Юрий Федорович вручил автору книги «Я – счастливая!» награды губернатора Московской области Б.В.Громова «За труды и усердие», председателя Московской областной думы В.Е. Аксакова «За трудовую доблесть», а также почетный знак главы района и города «За заслуги перед Воскресенским муниципальным районом».

Творческий труд Марины Ивановны высоко оценен Московской областной писательской организацией и коллегами по Воскресенскому литературному объединению «Радуга» им. И.И. Лажечникова.

В НАЧАЛЕ мая малый зал Дворца культуры «Химик» имени Н.И. Докторов собрал поклонников творческой группы «Белая свеча» (руководитель Т.Н.Смирнова) на концерт, посвященный 5-летию коллектива. На свой юбилей «Белая свеча» представила концертную программу «Русский романс».

Аплодисментами публика встречала и провожала каждого солиста. Особенный восторг

вызвало исполнение Геннадием Куневым романса П.Булахова «Не пробуждай воспоминаний» и Галиной Будкиной романса «Отойди», а также «Но я вас все-таки люблю». Не остался незамеченным дебют Леонида Соболева, сына основателя группы «Белая свеча» воскресенского художника Владимира Федоровича Соболева: в его исполнении прозвучали романсы «Ямщик, не гони лошадей» и «Белеет парус одинокий». «Побудь со мною» вдохновенно спела Люд-

мила Романова. С умилением публика внимала исполнению романса «Соловей» самой молодой участницей концерта Мариной Норовой.

За большую творческую работу в деле сохранения и развития русской культуры руководитель Воскресенского литературного объединения «Радуга» им. И.И.Лажечникова Леонид Дудин вручил Почетную грамоту ЛИТО коллективу «Белая свеча» и пожелал группе дальнейших успехов.

Оксана ЧЕБОТАРЕВА

Оксана Александровна родилась в г.Усолье-Сибирское Иркутской области. Окончила психологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова. Сотрудник «Культурного центра «Усадьба Кривякино». Член Союза журналистов России.

РАЗРОЗНЕННЫЕ ОЩУЩЕНИЯ

Забыла город ненавидимый.
Купив на станции билет,
На жизнь несколько
не в обиде я.
В Москву! В Москву.
Мне девятнадцать лет.

В столице улицы не
пестрые,
Редки витрины. Сеют свет
Высотки сталинские острые,
Как льдины. Бред.
Мне девятнадцать лет.

Жилье мое. В нем Бах
по радио,
Даль потолка, плохой
паркет,
И смех, и страх, но бога
ради,
Соседи злы.
Мне девятнадцать лет.

Решения ведут
к свершениям,
Но грандиозен список бед.
Я строю с другом
отношения.
Я взрослая.
Мне девятнадцать лет.

Ту жизнь не назовешь
растительной.
Арбат и университет.
Все ново и все
восхитительно.
Мне жаль себя.
Мне девятнадцать лет.

Наивно думать,
что войду еще
В ту реку, чтоб сменить
сюжет,
Исправить прошлое -
грядущее...

Меня здесь нет.
Меня давно здесь нет.

Начало – случайно
Могло быть другим.
Печальным, отчаянным,
В латах, нагим ...

Захочешь – продолжишь,
Но, смотришь, – не то...
Не можешь под кожей
Нащупать исток.

В конечном итоге,
Согласно судьбе,
В абстрактном чертоге,
Сраженный в борьбе,

Спокойно, устало
Ты выключишь свет,
А света так мало...
Случайно иль нет?

ПРЕДЧУВСТВИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ЛЮБВИ

Пропало, исчезло,
померкло, поблекло...

Иного не может и быть.
Зачем бы мне, правильной,
лезть в это пекло?
Зачем огород городить?

Конечно, я знаю на это
ответы.
Я знаю свои тормоза.
Советы про то,
как обходят запреты,
На что закрывают глаза,

Нужны, пока жизнь состоит
из секретов,
Пока еще есть, что сказать.
Простые вопросы боятся
ответов.
Двух слов не умею связать.

Обидно, безвыходно, скуп
и глупо.
На ломаный грош не кутить!
И мне все равно, что дворец,
что халупа.
Иного не может и быть.

ЗВЕЗДОЧЕТУ

Когда стоишь у края бездны,
Что толку Вам глядеть на
звезды.

Они не на погонах светят:
Им год как миг,
как час – столетия.
Не надо в космосе, астролог,
Читать о том, что срок

не долог.
Элементарная частица
Не рубль. Чиновник
не польстится

На траекторию кометы,
Не скажет, где найти
монеты.

Теория большого взрыва
В бюджет не впишется
красиво.

Научный дискурс лиц в
мундире
Гласит, что дважды два –
четыре.

Огни небес влекут напрасно.
Земля дороже. Это ж ясно.
В архив скорей трубу
подзорну –

Не пропадет Ваш труд
упорный!

Леонид ДУДИН

24 МАЯ сего года выдающемуся русскому писателю Михаилу Александровичу Шолохову, дважды Герою Социалистического Труда, лауреату Гударственной, Ленинской, Нобелевской премий исполнилось бы 110 лет. Церковный календарь в эту дату завещает помнить великих славянских просветителей Мефодия и Кирилла. 21 февраля – кончина. По народному календарю сей день – день Захария-серповидца: «Бабы-жницы молятся за этого святого...».

В день смерти Михаила Александровича Шолохова я позвонил Владимиру Ивановичу. К тому времени мы с поэтом были близко знакомы и хотя и не часто, но встречались и перешли в разговорах друг с другом уже на «ты».

– Собираешься, – спрашиваю, – в Вешенскую?.. – Тишина в трубке. – Что молчишь?

– Нет, не собираюсь, там везде кордоны, – ответил он. – Нас не пустят.

– Почему? Такого быть не может...

– Может. Поедем позже.

Это «позже» настало, определившись самым правильным русским обычаем, – сороковым днем после смерти. Сороковинами.

Мы с Вячеславом Казимировичем Лукашевичем – поэтом, писателем, публицистом – как представители газеты «Красная звезда» оказались в том же поезде, что и делегация журнала «Молодая гвардия». Словно бы сговорились. Цель одна: к Шолохову. В станицу Вешенскую.

Поздно вечером, уже закончив ужин и успев наговориться, мы залегли на свои полки. В полудреме я услышал резкий стук в купейную дверь и голос:

– «Красная звезда» здесь?

– Здесь, – отвечаю. Слезаю вниз... Открываю дверь. Передо мной Юрий Павлович Манохин, зять Михаила Александровича.

– Приглашаешься в наше купе, – сказал он, сжав мою руку. – Поехали...

– Я не один. Со мной Лукашевич. Вячеслав Казимирович Лука-

шевич. Слышал такого?

Юрий Павлович долго молчал, видимо, до конца не понимал, кто такой Лукашевич, делал вид, что при чем здесь какой-то Лукашевич, когда здесь Дудин. Однако проговорил:

– Приглашаетесь оба. – И вышел.

Я разбудил Славу.

– Нет, не пойду, – зевнул он. После некоторой паузы, сообразив, что к чему, отрезал:

– Разве с подобным вином, как у нас, ходят в гости?.. Да еще к таким высоким людям.

– Ну и что...

– Сказал нет – значит, нет.

«ЛЕД

Вино у нас действительно было неважное, какое-то кислое, называлось «Прибрежное», купленное на задворках Казанского вокзала. Но в те годы вино или водка нормального розлива в Москве фактически не продавались. Поскольку я знал, куда ехал, потому и прихватил в дорогу две пол-литровые бутылки чистейшего спирта-ректификата (не зря же я представлял космическое КБ), о которых даже не заикался несколько суток, молчал до теперешнего, как мне показалось, совершенно нужного момента. И вот сейчас, видя неоспоримую решительность Лукашевича не появляться у «высоких людей» с таким дрянным вином, я не выдержал и прямо, что называется, открытым текстом шлепнул:

– А у меня спирт есть. – Сказал так тихо, вроде бы полушутя, но, видимо, достаточно убедительно, поскольку реакция Лукашевича была незамедлительной:

– Правда, что ли?

– Почему бы и нет... Правда. Самая настоящая.

– Покажи!

Распахнув портфель, я, подчеркнуто небрежно, достал одну из двух емкостей со свежесозданной этикеткой «Столичная», наполненную под завязку обещанной жидкостью.

– Открывай! Не верю, – потребовал Лукашевич.

Я открыл бутылку и передал ему. Слава поднес сосуд к носу и сделал глубокий вдох, а затем, не спеша, чуть пригубил.

– Годится. – И добавил:

– С этим добром можно куда хошь идти.

– От нашего стола – вашему столу, – выпалил я известную фразу и разом поставил ноль-пять на середину столика. За ним, за столиком, в красном углу огромно восседал сам Анатолий Степанович Иванов с веселой супругой, чуть менее огромно – сам Владимир Иванович Фирсов с красивой супругой и еще ряд сотоварищей, которых я мало знал. Было понятно, что у сидящих заканчивалось или, возможно, закончилось уже все то, что можно было

Орел на приволье. Рис. Е. Филимоновой к 100-летию Шолохова.

НА РЕКАХ

(фрагменты из книги)

Продолжение. Начало в №7

А.С. Иванов.

выпить, так как Анатолий Степанович без особых церемоний взял поллитровку и сразу наполнил граненый стакан.

– Анатолий Степанович, предупреждаю, – поспешно зататорил я, видя необратимый процесс, – это чистый спирт! Понимаете, чистый!

– Понятно. – И осмотрел всех. – Так чистый, говоришь?

– Да, Анатолий Степанович, чистый...

Автор «Вечного зова» и других замечательных вещей закрыл глаза и при общем молчании выпил до дна, закусив, как говорится, рукавом, и, не ставя стакан на стол, выдохнул:

– И правда, чистый... Вечный зов наш...

Бутылка пошла по кругу. Публика оживилась. Разговоры настраивались на «кто во что горазд», но Владимир Иванович, хоть и отвлекаясь, не забывал, зачем мы с Лукашевичем здесь, и, уловив момент,

заглушая общий гам, громко произнес:

– Представляю Леню Дудина! Пишет стихи! Очень даже неплохо пишет! Давайте послушаем!..

Публика как-то разом затихла. Я растерялся, не зная, что мне делать. «Подобного случая, – думаю, – не будет. Чтобы такая аудитория собралась еще раз – исключено. Надо читать...»

Теперь-то я осознаю, что все тогда было сделано правильно: в данном составе мы уже не собирались. Да и не собираемся никогда. Нет среди нас, царство им небесное, Анатолия Степановича, нет Славы Лукашевича.

Тогда я единым махом выдал «Дядю Ваню», «Погоны» и «Осень на Белом озере». Они-то, слушатели, наверняка не запомнили, о чем я вещал, но мне память, к счастью, не изменила. Моя читка, да это и понятно почему, всеми была одобрена, но особо эмоционально продолжал выступать Владимир Иванович:

– Это стихи! – восклицал он. – Это настоящие стихи! – Он несколько не обращал внимания на «оживление в зале» и на мое смущение. – Вы поняли, что это поэт! – никак не унимался он. – Вы хоть поняли!

Я пытался не раз возразить, опровергнуть его категоричность, но ничего в тот поздний вечер у меня из этого не получилось. А публике уже было не до моих стихов.

РАСТАЕТ...»

В госпитале разговор с Владимиром Ивановичем не то чтобы не клеился, а был каким-то вялым, или, как иногда принято употреблять, шел разговор ни о чем, пока я не вытащил из целлофанового пакета шаль. Громадную, с яркими розами на печально-черном фоне. Вот тогда Владимир Иванович оживился и, не вытерпев, спросил:

– Где взяла-то?

– Жена твоя, Людмила Васильевна, подарила.

– Не может быть.

– Может. Что, не узнаешь наряды собственной жены?

– Кажется, и правда ее... шаль... – Взял в руки и стал потихоньку разворачивать. – Ее, ее шаль... – И грустно посмотрел на меня.

– Все нормально, Владимир Иванович. Это у дуба она меня шалью накрыла, чтобы я случайно не замерз. Я же выступал в одном костюмчике, помнишь?

– Что-то припоминаю...

– Так вот, Владимир Иванович, я знаю, где ты простыл, – твердо сказал я. – У дуба... Когда читал поэму о Михаиле Александровиче. Ты же помнишь, какой был ветрище. Я уверен, что у дуба...

– Возможно. Убедил. Меня в поезде, считай, сразу после выступления скрутило... Ну, а шаль-то как к тебе попала? – не поверив мне, переспросил Владимир Иванович.

– Попала вот...

Лауреаты конкурса «И просыпается поэзия во мне»

Антонина АНОСОВА

Есть у каждого в мире сторонка родная. Мой рабочий поселок обычный на вид. Но вдаль я его с теплотой вспоминаю.

И к нему мое сердце на крыльях летит. Здесь грибные дожди по проселкам гуляют. Здесь над лугом гудят золотые шмели. Мой поселок Хорлово, я лучше не знаю, Я роднее не знаю на свете земли. Есть на свете дома и просторней, и выше. Только матери дом лучше всех на земле. В добрых стенах его, под его доброй крышей Столько снов беззаботных привиделось мне. Здесь встречали меня и опять провожали. Здесь мне рады всегда и всегда меня ждут. В этом доме меня дочкой ласково звали, А теперь здесь саму

меня мамой зовут. Ранним утром, как все, я спешу на работу. Оживают станки, просыпается цех. И я знаю, что все: и успех, и заботу – Моя смена по-братски разделит на всех. Если сердце твое от обид разболится, Если вдруг голова заболит от забот, В старом парке испей из колодца водицы, По аллее пройди – и решение придет. В тонких ветках березы запутался ветер, И бежит торопливо волна за волной... Мой поселок Хорлово, ты лучший на свете! Я уверена: вы согласитесь со мной.

Станислав КИРИЛЬЧЕНКО

По стеклу покатила слезинка дождя... Сколько зим пролетело с тех пор, сколько лет!

Все, что есть у меня, это все для тебя – Без тебя у меня ничего в жизни нет. Я тебе подарю и закат, и рассвет, И бегущую по небу цепь облаков, Шелест листьев и тень от растрченных лет, След луны на воде и улыбку без слов. Помнишь, радостно булькая, чай закипал, Пахло хвоей, картошкой, печенной в костре, Как, намаявшись за день, весь мир засыпал, Как босыми бродили по влажной траве. Сколько зим пролетело с тех пор, сколько лет! Я тебе подарю все, что

вспомнить я смог, Ты, конечно, возьмешь, улыбнувшись в ответ, Все еще повторится, возможно, даст бог. Мы сидим, вспоминая прошедшие дни, За окном по листве тихо шлепает дождь, В этот день мы с тобой, как когда-то, одни. То, что чувства с годами слабеют, – все ложь. Словно капельки с листьев, стекают года, Мы живем, как поем, не считаем мы их. И года – не беда, и душа молода, Если все, что прошло, разделить на двоих.

Вера БОНДАРЕНКО

После долгих пасмурных дней ранним утром на небе появилось долгожданное солнце. Оно ярко осветило замерзшие поля и леса и растопило своими горячими лучами промерзшую землю, траву и деревья. На высокой голой горе снег и лед превратились в прозрачные капельки воды, а среди оттаявших камней пробился на волю родничок, да не простой родничок, а с чистой, целебной водой. И первое, что он увидел, было – солнце!

– Здравствуй, целебный родничок! С днем рождения тебя! Живи на свете, радуйся жизни и

радуй всех вокруг себя! Счастливого тебе пути! – сказала солнышко и скрылось за тучкой. И вода в родничке от хороших слов запела, зажурчала и побежала ручейком вниз по камушкам и ложбинкам, напевая веселую песенку:

*Я целебный и прозрачный,
Я волшебный родничок!
Подходи скорей напиться,
Свежей влагою умыться!
Сразу станешь молодым!*

Весенняя природа давно ждала прихода этой теплой живой влаги. И все рядом с ручейком стало оживать и расцветать. Луга превратились в зеленый ковер с разноцветными подснежниками, деревья и кусты выпустили первые листочки.

Птички услышали песенку родничка и сразу же прилетели к воде. Громче всех радовались трясогузки: «Три-та-та, три-та-та, очень чистая вода!»

Прискакали белки и зайцы. Они пили воду, купались и пели: *Родничок, не спеши!*

Дай умыться от души!

Прилетела стая уток с громким криком:

*Кря, кря, кря! Не беда!
Хоть холодная вода, –
После грязного болота
Искупаться нам охота!*

Проснулся от зимней спячки и пришел к ручью сам косопалый мишка, он жадно пил и рычал: «Ох, и вкусная вода у тебя, ручей, всегда! Да... да... Ох, и вкусная вода!»

Шел мимо родничка старик с большой палкой, услышал песенку, подошел к ручью, остановился и спросил: «А правда ли, что если я попью твоей воды, то стану молодым?» – «А ты попробуй, попей, да палку свою забрось подальше, ноги-то твои и без палки побегут», – прожурчал родничок. Бросил старик палку свою подальше к лесу, опустился на колени возле ручья и стал ладонями черпать, умываться и пить водицу. Долго пил, пока не

*Ква, ква! Ква, ква!
Хороша твоя вода!
Только мал ты, ручеек,
Но тебе и невдомек,
Что на свете море есть
И достоинств в нем не счесть!
Это море так огромно,
Что конца и края нет!
Это чудо – не секрет!
Про то знает белый свет.*

–А где же это чудо-море находится? И как его можно увидеть? – спросил родничок.

–Ква, ква! Ишь чего захотел!

РОДНИЧОК

(Весенняя сказка)

почувствовал во всем теле и в душе прилив молодых сил. Обрадовался, еще раз умыл лицо и, быстро встав, поклонился и сказал: «Спасибо, ручеек! Долго жить тебе, дружок!» И зашагал в гору быстро, как молодой, а про палку даже не вспомнил.

А родничок, довольный и счастливый, бежит дальше. Днем было интересно и весело. Много повидал он на своем пути, а ночью становилось темно и грустно, не было видно дороги, никто не приходил к ручью. Но однажды ночью к родничку прискакала ночная земляная жаба. Она сначала испугалась, потом напилась волшебной воды, надулась, как шар, и стала квакать:

А знаешь ли ты, что тот, кто однажды увидит это море, сразу потеряет все, что имеет? – загадочно прокричала старая жаба.

–Ну и пусть, – ответил родничок. – Да мне и терять-то нечего. У меня ничего нет, кроме чистой целебной воды.

–Ну, тогда – торопись! Далеко оно, море-то. Но вместе с другими ручейками и речками ты к морю быстро доберешься. Спеш, пока они не пересохли! Дорога все время вниз, к зеленой долине! – добавила жаба и исчезла в темной траве. И родничок стал мечтать о встрече с необыкновенным чудом – красивым и огромным морем.

С рассветом солнца он по-

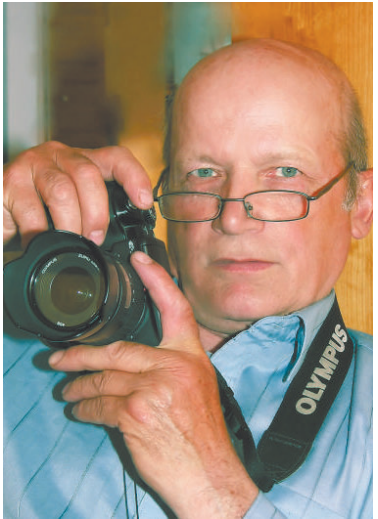
бежал быстрее и радостнее, стал еще веселее петь свою песенку, и все живое ему улыбалось и благодарило за его доброту. Он все ниже спускался с горы в широкую долину, приближаясь к морю.

Постепенно родничок увеличивался в размерах, к нему с разных сторон стали присоединяться еще маленькие и большие ручейки, текущие с ним по пути. В долине родничок влился в шумную горную речку, которая спешила к берегу моря. Вода в ней уже не была такой прозрачной, и песенка родничка не была слышна и никого не привлекала. Река принесла родничок в город, где было много домов и людей, собак и кошек. Люди все куда-то спешили, громко разговаривали и старались обойти горную речку стороной или перейти через нее по железному мосту. А моря все не было видно. Но, когда речка повернула за город к крутому берегу, на самом краю водопада перед родничком наконец открылась огромная красивая панорама синего сверкающего моря и голубого неба, которым не было конца! Сбылась его мечта! Он успел еще вздохнуть и прокричать:

*Здравствуй, чудесное море,
Счастье и радость души!
Воды мои ключевые
Ты, как подарок, прими!*

И даже не заметил, как соединился с морем и исчез навсегда в его пучине.

Владимир ДУБРОВИН

Майскими утрами, когда весна срочно переходит в лето, когда еще сегодня ты видишь едва проклюнувшиеся почки, а завтра – уже настоящие юные листья, когда воздух настоян ароматами новизны, вся природа живет и дышит, я делаю

ЧИБИС И ЧИБИСЕНОК

легкие пробежки. Совсем недалеко от дома. Вдоль опушки Скрипицкого леса.

В то памятное утро я, выполняя упражнения, увидел необычного чибиса. Он, не глядя по сторонам, быстро пересекал тропинку. За ним поспешал маленький серенький комочек. Конечно же, это был чибисенок. Заметив меня, малыш, съесть, мгновенно нырнул в траву, а взрослый с криками стремительно взлетел вверх.

Остановившись, я стал наблюдать, как птенец прячется в придорожной траве. Взрослая птица с тревожными криками летала над самой головой, чуть ли не задевая бейсболку. Внезапно она упала к моим ногам и, крича, забилась, словно раненая. Она стучала крылом о землю, уходила дальше от меня на новый полукруг и, прихрамывая на правую лапку, не переставала кричать.

В ее крике было столько боли и страданий, что мне не только казалось, но и слышалось лишь одно: «Человек, зачем тебе мой птенец? Он такой маленький, желторотик еще... Он даже и летать-то не умеет... Да и один он у меня остался!»

Пораженный криком, я не стал искать спрятавшегося чибисенка, а пошел за взрослой птицей. Она все так же кричала

и билась у моих ног, волоча «раненое» крыло, и все дальше и дальше вводила меня от своего дитяти. Отведя, как, видимо, ей показалось, на безопасное

расстояние, она решительно вспорхнула, резко набрала высоту и, сделав надо мною круг, молча спланировала на землю. Конечно, к своему чибисенку.

ГОЛОС ПОДРАНКА

Весной в пойме реки Москвы, у села Марчуги, по пути на север делают передышку гуси.

Однажды я решил подсчитать, сколько их здесь пролетает, но каждый раз сбивался со счета, потому как гуси летели высоко, большими косяками, занимая почти все небо, и этим косякам, казалось, не было ни конца, ни края.

Необыкновенно красивое зрелище являла картина неба: заходящее солнце, облака и нескончаемость перелета. Сначала слышишь тихий разговор стаи и только потом видишь ее в открытом небе. Я знал, что гуси очень осторожны и на такой высоте, какая вот сейчас, они практически неуязвимы.

Потому и был спокоен.

Вечером, любуясь закатом и переговорами стай, я вздрогнул, услышав вместо знакомых звуков горький, щемящий душу и сердце плач. Я сразу понял, откуда он исходил. Плач был настолько печальным, что даже через много лет до сих пор я все слышу его и слышу. Не отпускает. Видимо, кто-то на подлете выстрелил в стаю и ранил одну из птиц.

Теперь каждый раз, когда над поймой реки пролетают гуси и, радуясь жизни, неторопливо переговариваются между собой, я устремляю взгляд в небо и все боюсь, что вот-вот нарушится их строгий строй и я снова услышу горький голос подранка.

Галина ГЛЕБОВА

НИЩЕНКА

Возле церкви нищая старушка Милостыню просит у людей. Рваное пальто, платок

да кружка.

Много ли сегодня надо ей? А когда-то красотой

гордилась,
Силою и статностью своей.
Но с годами все переменялось,
Стала в тягость для родных
детей.

И, покинув кров, ушла, больная,
Тяжкий крест безропотно неся.
Вечная скиталица босая
На устах с молитвою жила.

И прося убого подаенье,
Кланяясь, с надеждою ждала
Не монету – наше состраданье
Да немного ласки и тепла.

Как и Русь, она беду познала,
Через боль и страх людской
прошла,
Горечь униженья испытала,
Но покорно тяготы несла.

Так кому нужна она такая –
Символ равнодушия живой?
Правда, невезучая, святая –
Нищенка с протанутой рукой.

Целый день на паперти стояла,
К вечеру,

почти не чуя ног,
Поплелась угрюмо и устало,
Про себя шепча:
«Спаси нас Бог».

* * *

Все проходит: и боль,
и тревоги,
Забываются сны и мечты.
Остаются лишь только дороги,
По которым мне надо идти.

Счастье – это потери и встречи,
Что со мной неразлучны,
как тень.

И, набросив усталость
на плечи,
Я войду, как всегда,
в новый день.

Но войду без налета сомненья
И без грусти

о прожитом дне.
Все проходит:
желанья, стремленья,
Все, что было так дорого мне.

Елена МАЙОРОВА

* * *

Святой огонь сердец живых
Родился из любви двоих.
Они его смогли зажечь
Для всех, кто любит
радость встреч!

Пусть эти двое любят всех,
Пусть в мир несут веселье,
смех,
Пусть дарят людям
без конца
Свои открытые сердца.

Я люблю ощущение полета...
Если хочешь со мной летать,
То оторвись все земные заботы –
Будем вместе с тобой опять.

Ты почувствуешь силу ветра
И, уйдя на большой простор,
Вновь увидишь лучи рассвета
С высоты поднебесных гор.

Ну, а солнце, оно такое,
Что, коснувшись тебя лучом,
Светлой радостью сразу смоем
Все печали в сердце твоём.

Трижды взвесь,
Потом – скажи,
Мудрость в каждый
Жест вложи.

ЮРИЙ ФОКИН КАК ПЕВЕЦ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ

Предваряя свою новую фотовыставку «Родом из деревни», Юрий Викторович Фокин сказал: «Мое творчество зародилось в деревне. Именно там, в неповторимой красоте костромских весей, на родине моих близких и далеких предков, я стал задавать себе вопросы о сути и мигах нынешнего бытия и как эти понятия увековечить для наших потомков».

Юрий Фокин, активный член ЛИТО «Радуга» им. И.И.Лажечникова, родился в городе Воскресенске. Нам известно, что он искренне любит

свой город. Его неоднократные фотовыставки, буклеты и календари, оформленные его же фотоработами, произведения «По моему Отечеству», вошедшие в альманахи «Воскресенск – моя родина светлая...», дают возможность утверждать, что Юрий Викторович уверенно постигает пронзительное искусство фотогенического рисования и в качестве художника выносит свои радости и боли на обозрение любителей моментального изображения.

Юрию было 14 лет, когда отец подарил ему фотоаппарат «Зоркий-4». Сначала, как и многие из нас, он фотографировал родственников и близких знакомых (снимок «на память»). Теперь наш мастер увековечивает целую эпоху вырождения русской деревни.

Впереди все еще будет в российской земле. И деревни – тоже. Но они явятся в другом образе и подоби. В каком – мы еще не знаем. Только вот такого дома, с грустью уходящего от нас навсегда, уже не встретим. Возможно, лишь в музее. Бревенчатый, в три окна, рубленый «в лапу», когда-то надежда и опора семьи, ныне он ушел по самые окна в землю, считай, ушел на веки вечные в тартарары. И его уже ничем не спасти, проси он о помощи, ни проси – поздно: никому старый дом не нужен. Не го-

дится даже на хорошие дрова. Вокруг дома трава, что называется, «по пояс». Значит, не выкашивается. Значит, сирота-дом с притулившейся к нему невеселой терраской. Не спасти и крыши. Той, первой крыши, заметно, нет. Она под тяжестью века давно сгнила. А новая, рубероидная, не прижившись к старине, немо показывает свое безразличие ко всему живому. И лишь три березы, возможно, посаженные хозяином на трех дочерей, светлые в своем наряде, будут горько оплакивать тихий исход из мира сего когда-то счастливого очага русского хлебоборода.

Вот что рассказывает Юрий Фокин: «Деревня наша имеет название Уварово. Асфальтовая дорога заканчивается за два с половиной километра от крайнего дома. Там же находится магазин, по-старинному – лабаз. Последняя в ряду деревень. Находится в живописном уголке, созданном хвойными и лиственными деревьями, рядом с обрывистыми берегами, заводями и островами великой Волги. Именно в тех местах в душе моей и зародилась любовь к родной природе, любовь к деревне. Я благодарен своим родителям, возившим меня в Уварово. Благодарен и бабушке с дедушкой, которые оставляли меня в деревне почти на все летние каникулы».

Героев своих произведений Юрию Фокину искать не очень-то приходилось. Они все живут рядом. Живут той жизнью, которая автору знакома с раннего детства. Вот прислонилась к дровотне баба Зоя Безрукова. Ей 95 лет. Снимок выполнен в черно-белом варианте. Сделай его цветным – потерялась бы вся тяжесть крестьянской доли, выпавшей этой мудрой женщине. Но нет ни разочарования, ни отрешенности. Есть лишь тайна бытия. Черный от житейских переживаний дом. Дворик – крохотное личное пространство, дощатый забор. Справа – дровотня – первая ее опора, вторая – батожок. Третья точка опоры – на ногах мужские валенки. Физики говорят, что это

самое устойчивое положение. В механике. А в жизни? В жизни у нас вариантов много. Только вот у бабы Зои их нет. Лицо красивое, мудрое. Несет тихие отсветы прежнего счастья. Полушалок, куртка, платье – смешение одежды многих времен – лишь детали, подчеркивающие истинную дружбу настоящего и прошлого.

Безразличие ли на лице бабы Зои? Конечно нет. Просто она, стоя у ворот вечной жизни, знает то, о чем мы еще и не ведаем. Передача зрителю такого настроения дана не каждому фотомастеру. Юрий Фокин старается работать над тем материалом, который еще не тронут цивилизацией, но который вот-вот уйдет от нас навсегда.

Баба Зоя Безрукова.

На другом снимке мы видим фрагмент ивового плетня, на столбике сушится, опрокинутая вверх дном, знакомая многим молочная крынка, без которой пейзаж деревни теряет всю свою радость и ценность. Глядишь на нее – и настолько резко встают перед тобой и детство, и юность, что желанная ностальгия долго не отпускает тебя. Теперь только в рекламных картинках есть «домик

в деревне», да и то лубочная его подделка.

Юрий Фокин воистину из первых рук показывает зрителям правду. Настоящую, порой и суровую. Во всех своих работах он подчеркивает ранимость природы, не принимает грубого вторжения в нее. Автор искренне просит, чтобы и мы сохраняли самое дорогое наше прошлое – русскую деревню, ибо, разрушая ее, мы рубим сук, на котором сидим.

На выставке представлены и другие замечательные работы, такие как «Дом на краю деревни», «Дорога к дому», «Иван-чай», «Лидия Михайловна», «Ностальгия», «Самовар. Земляника» и многие другие. Я не призываю к тому, чтобы весь Воскресенск бежал смотреть на работы мастера, посвященные русской деревне. Но хочу, чтобы просвещенный народ города не забывал, что все мы дети этой прекрасной родины.

Окно избы с резными наличниками, красные гроздья рябин в незабвенной гармонии с окном и со всем миром. И мальчик Тема в ярком, но уже маловатом ему тазике, во все глаза, вполне серьезно, встречая добрый взгляд фотообъектива Юрия Фокина, надо полагать, всегда будет помнить свою колыбель, название которой – Уварово.

Леонид СОВЕГАН

Здесь никто больше не живет...

«РАДУГА: НОВОСТИ, ХРОНИКА»

У панорамы «Эпопея Плевена».

С 27 по 30 мая в городе Плевен (Республика Болгария) проведена VI Международная писательская встреча «ПОБРАТИМЕНИ СВЕТОВЕ» (Миры-побратимы). В ней приняли участие писатели Республики Болгария, Республики Греция, Республики Македония, Республики

Румыния и Российской Федерации.

Нашу сторону представляло Воскресенское литературное объединение «Радуга» им. И.И.Лажечникова в составе членов Союза писателей России Леонида Дудина (руководитель делегации), Виктора Лысенкова (заместитель руко-

водителя делегации), Марины Золотовой, Марины Кабановой, Ольги Новиковой (члены делегации).

Все четыре дня были наполнены теплыми встречами, на которых писатели делились творческими планами, обменивались книгами, преодолевая языковой барьер. 28 мая делегации были приняты кметом (главой) города Плевен Найденом Зеленогорски и награждены грамотами за активное участие в работе форума.

Воскресенская делегация выступила на самом высоком уровне. Мы вручили подарки от администрации и управления культуры района, директора-главного редактора газеты «Наше слово», книги собственного сочинения.

Подробности о поездке писателей в Болгарию читайте в следующем выпуске газеты «Воскресенск литературный».

Наш корр.

6 ИЮНЯ на территории МУКЦ «Усадьба Кривякино» на празднике, посвященном памяти великого русского поэта, собрались те, кто знает и любит творчество Александра Сергеевича Пушкина.

Среди тех, кто захотел почтить день рождения национального гения, были члены литературного объединения «Радуга» и постоянные посетители литературной гостиной библиотеки АНО «Минудобрения». На мероприятии присутствовало более 50 человек. Библиотечные работники предоставили книжную выставку, сделав интересную подборку публикаций

о Пушкине – от солидных монографий до журнальных статей. Хотя Пушкин никогда не бывал в окрестностях нынешнего Воскресенска, мы можем гордиться тем, что в наших местах жили люди, близко знавшие замечательного русского поэта. В первую очередь это владелица усадьбы «Спасское» Александра Осиповна Смирнова-Россет. Историю их знакомства и некоторые интересные биографические подробности жизни поэта рассказал краевед А.А. Суслов. Также в рамках праздника в одном из залов культурного центра была открыта выставка скульптора по дереву В.С. Степанова.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Л.А. Дудин (редактор), В.И. Лысенков (зам.редактора), С.И. Глебов, М.И. Горидько, А.В. Лысенков, О.А. Новикова, А.В. Сальников, Е.Б. Юрова.

Фотоматериалы готовили В.Н. Дубровин, Ю.В. Фокин.